

Могучий первенец

День 10 июля 1952 года навсегда вошел в наши сердца, нашу память, нашу историю. Страна прильнула к радиоприемникам и репродукторам, чтобы услышать возмужавшую весть: Совет Министров СССР, рассмотрев рапорт строителей Волго-Донского канала и заключение правительственной Комиссии по приемке его сооружений, постановил: «Открыть Волго-Донской судоходный канал в воскресенье 27 июля... начать эксплуатацию Цимлянская гидроэлектростанция и первой очереди оросительных сооружений».

Едва отзвучали слова, говорящие о новой великой победе на фронте мира, труда и созидания, на пути к коммунизму, а миллионы советских людей уже услышали: «Присвоить Волго-Донскому судоходному каналу согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР имя В. И. Ленина».

Гордостью и радостью наполнились наши души: первая из великих строек коммунизма вступает в строй, и могучий первенец этот будет носить отныне и вечно имя основателя Советского государства — Владимира Ильича Ленина.

С завершением строительства Волго-Донского судоходного канала страна сделала еще один победный шаг к коммунизму. Волго-Донской судоходный канал и Цимлянская гидроэлектростанция входят в важнейшую и неотъемлемую часть в план великих преобразований нашей страны.

Программа построения коммунизма в нашей стране, начертанная гениальным продолжателем дела Ленина — товарищем Сталиным, предусматривает комплексное создание материально-технической базы коммунизма, объединяющее энергетическое возмужание страны с преобразованием природы, ликвидацией засухи, развитием транспортных путей.

В 1950 году правительство в своем постановлении о строительстве Волго-Донского канала решило сократить сроки строительства на два года против ранее установленных. И это постановление строители Волго-Дона выполнили с честью, опираясь на могучую помощь и поддержку всего советского народа.

Со дня пуска Карповской насосной станции, когда покоренная советскими людьми донская вода начала свой путь в Волге, весь народ, затаяв дыхание, следил за ее движением. Так следит мать за первыми шагами ребенка. 31 мая 1952 года в сливны двух великих русских рек, с которыми связано столько грозных и славных событий нашей истории, осуществилась вековая мечта народа.

Но сливние вод Волги и Дона соединили не только две великие реки. Исполненный труд, который по плечу только советским людям, соединил пять морей: Белое, Балтийское, Каспийское, Азовское и Черное. В Постановлении Совета Министров говорится: «Завершение работ по строительству Волго-Донского судоходного канала, принятых согласно решению Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б), обеспечило единение Белого, Балтийского и Каспийского морей с Азовским и Черным морями в единую воднотранспортную систему и позволило в 1952 году приступить к перевозкам массовых грузов — угля, леса, цемента, нефти, хлеба по этой системе».

Дес Сибири для шахт Донбасса, уголь Донбасса для заводов Поволжья, пшеница Кубани для центральных, западных и северных районов страны — вот что такое Волго-Дон.

Полвека назад писатель Александр Сергеевич рассказывал о засушливых и полупустынных землях, какими они и остались бы навеки, если не Октябрьская революция. Проведяшая исполнительские силы народа: «Во все стороны простиралась здесь солончак, бесплодное пространство. Куда ни глянешь, везде истерзавшаяся сухая земля. Знойный ветер метет по дороге стогами пыли. Степь курится, и над ней там и сям холит смерчи, наваяв уныние и тоску. Пыль желтая, едкая, горячая... Солнце все раскаляло. Брумом все тот же спящий полнок, желто-бурая горелая трава, меж которой свистит сухал, протрескавшая земля».

Создание Цимлянского гидроузла с Цимлянским водохранилищем и оросительными каналами привело воду на огромные площади засушливых и полупустынных земель, в степи повоевало влажным дыханием гигантских водохранилищ. Расцветает земля... Недаром колхозники, узнав об открытии Волго-Донского канала, как дар, принесли втроем первые цветы с земли, где раньше выгорала даже ко всему привычная степная трава. Вот что такое Волго-Дон!

Так, на наших глазах сбывается известный каждому советскому человеку афоризм В. И. Ленина: «КОММУНИЗМ — ЭТО ЕСТЬ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ПЛЮС ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ... Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно».

Ка Волго-Донском судоходном канале имени В. И. Ленина
СТАЛИНГРАД, 11 июля. (Наш корреспондент). Радостные дни переживают строители Волго-Дона.

На всех участках канала от Красноармейска до Калача состоялись многолюдные митинги и собрания, посвященные постановлению Совета Министров СССР об открытии Волго-Донского судоходного канала и Указу Президиума Верховного Совета СССР о присвоении каналу имени В. И. Ленина.

Словами, плущими от сердца, строители благодарят партию и правительство за высокую оценку их работы, с гордостью говорят о том, что великому первенцу советского народа присвоено имя гениальной революции — Владимира Ильича Ленина.

Все выступавшие на митингах заверяют родного Сталина, что они с честью выполнят любую новую задачу партии и правительства.

Меньше полтора месяца минуло со дня, когда по каналу прошёл первый пароход. А прошло уже в Волге в Дон и обратно больше 200 судов. Бегут еще один волжский пассажирский пароход «Победа»

В создании Волго-Донского судоходного канала проявилась великая энергия советских людей, воспитанных партией Ленина — Сталина. Имена лучших строителей первой стройки коммунизма озажены славою великого трудового подвига. Волго-Донской канал — проявление высокого прогресса отечественной науки и техники. История еще не знала такой полной механизации земляных, бетонных и арматурных работ, какая была достигнута на Волго-Донстрое.

Сооружение Волго-Донского судоходного канала имени Ленина — новое свидетельство миролюбивой политики Советского Союза, новое подтверждение слов товарища Сталина: «Советский Союз не сокращает, а, наоборот, расширяет гражданскую промышленность, не свертывает, а, наоборот, развертывает строительство новых грандиозных гидростанций и оросительных систем, не прекращает, а, наоборот, продолжает политику снижения цен...»

Сооружение Волго-Донского судоходного канала — новое свидетельство все возрастающей мощи нашей Родины. Мы никогда не забудем — пусть помнит об этом и наши враги! — что Волго-Донской канал имени В. И. Ленина проходит по тому самому куску советской земли, куда десять лет назад, в июльские дни 1942 года, бросили свои танковые и пехотные полчища немецкие фашисты, вразившиеся в Сталинграду. Разбиты эти войска, заросли бурьяном могилы захватчиков, а там, где проходила ружья героической обороны Родины, там плывут теперь по каналу белоснежные корабли, скользят лодки, плещутся в ласковой воде дети!

Весть о новой славной победе советского народа прозвучала на весь мир, вызывая радость и гордость наших друзей и понятное смутнение наших врагов.

Говорит Китай: «Китайский народ, осуществляющий большие работы по обузданию реки Хуайхэ, видит в великих стройках коммунизма прекрасные перспективы своего будущего».

Говорит Польша: «На протяжении тысячелетий люди утверждали, что река может течь только вниз. Это неправда! По воле советских людей воды Дона потекли вверх, к вышерасположенной Волге. Говорили, что в выжженной степи не растет трава. Это неправда! Между Волгой и Доном зацвели сады!»

Так говорят наши друзья. А наши враги, которые еще недавно пытались себя утешить, что сообщения о ходе работ на Волго-Донском канале — «коммунистическая пропаганда», что скажут они теперь? Тот, кому назидательная американская реакционная газета «Криччен сайенс монитор» писала: «Будет ли строительство действительно закончено к весне будущего года — зависит от факторов, над которыми не властен полностью даже московский Госплан».

Жизнь показала, что советский народ властен свершить все, что планирует: 31 мая 1952 года, точно по плану, соединились воды Волги и Дона.

Как не вспомнить пророческие слова В. И. Ленина, который, подводя итоги первых двух лет работы по плану ГОЭЛРО, сказал: «12 тысяч километров — очень скромное начало. Быть может, иностранец, знакомый с американской, германской или шведской электрификацией, над этим посмеется. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним».

Великие стройки коммунизма — свидетельство превосходства нашей советской системы, которая обеспечивает разумное преобразование природы, покорение ее сил, ликвидацию засухи, рост урожайности, рост благосостояния трудящихся.

Великие стройки коммунизма принесут не только новые богатства советскому народу, они принесут в нашу жизнь новую красоту, ту красоту, которую воспевал Горький, красоту земли, преобразенной могучим созидательным трудом человека. Недаром во всех сообщениях с Волго-Дона мы читаем о новом прекрасном пейзаже, новых великодушных архитектурных сооружениях, новых садах и парках, о забавно и любовно выращенных цветах, о работах скульпторов, художников, садоводов...

Стройки коммунизма — и первая, — ныне завершаемая — канал имени В. И. Ленина и те, которые находятся в кипении гигантских работ: Сталинградская и Кубовская ГЭС, Каховская ГЭС, Глебный Туркменский канал, — должны вдохновить советских литераторов на создание новых произведений, достойных этой великой цели. Литература все еще в долгу перед строителями Волго-Дона. Показателю народно-героические дела строителей канала имени В. И. Ленина, воспеть и прославить их труд — непреложный долг, дело чести советских литераторов!

Под руководством Сталина строили мы гиганты первых пятилеток, под его руководством побеждали мы в боях Великой Отечественной войны. С именем Сталина, под его руководством завершили советские люди первую стройку коммунизма — Волго-Донской судоходный канал. С именем Сталина, под его руководством идем мы к коммунизму!

Новосоленовск, 11 июля. (Наш корреспондент). Сегодня во всех строительных районах, монтажных организациях, на предприятиях и в учреждениях Цимлянского гидроузла состоялись митинги и собрания. Полные звучали речи строителей, полные любви и преданности большевистской партии, советскому правительству, великому Сталину.

Водушевленные присвоением Волго-Донскому судоходному каналу имени В. И. Ленина, цимлянские гидростроители прикладывают все усилия, чтобы в ближайшие дни закончить архитектурно-отделочные работы.

Петро Ненни
Я приехал в Москву из Берлина с президентской сессии Всемирного Совета Мира. Мне хотелось бы поэтому поделиться с читателями «Литературной газеты» своими мыслями о некоторых особенностях нынешнего этапа борьбы за мир.

На Западе движение сторонников мира, одерживающее все новые и новые успехи, сталкивается теперь с трудностями, которых год или два тому назад не существовало совсем, либо они существовали в гораздо более мягкой форме.

Так, например, на чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира, которая приняла решение созвать в декабре в Вене Конгресс народов в защиту мира, голос американского писателя Говарда Фаста дошел до нас в записке на пленку, ибо наш друг не получил паспорта на выезд в Берлин. Тем не менее, несмотря на все препятствия, Говард Фаст заверил нас в том, что американские сторонники мира борются и не теряют надежды на возможность изменить политический курс их страны. Места египетской делегации остались в Берлине пустыми, а из выступления одного туниского делегата мы узнали, что многие члены нашего Совета от Египта заключены в концентрационный лагерь на границе пустыни Сахары. В Берлин пришла к нам весть об освобождении Жака Дюкло, произвольным арестом которого пытались нанести удар не толь-

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 84 (2957) Суббота, 12 июля 1952 г. Цена 40 коп.

ВЧЕРА В КРЕМЛЕ

Вручение Пьетро Ненни международной Сталинской премии „За укрепление мира между народами“

Свердловский зал Кремлевского дворца. Под его узорным сводом уже не раз лучшие борцы за мир получали высокие награды за свою благородную деятельность. Разными путями пришли они в лагерь мира — маститый французский ученый Фредерик Жолио-Кюри и корейская общественная деятельница Хьюлетт Джонсон и мексиканский генерал Эрберто Хара, президент Китайской Академии наук Го Мо-жо и депутат итальянского парламента Пьетро Ненни. Но всех их объединяет чувство большой любви к человеку, самоотверженность в стремлении спасти простых людей земного шара от нависшей угрозы новой войны.

Вручение этим замечательным героям всемирной битвы за мир награды, носящей имя великого Сталина, здесь, в Москве — столице страны свободы и счастья, в одном из залов древнего Кремля, чьи звезды излучают свет надежды на лучшее будущее для всех угнетенных, — еще одно свидетельство глубоко мирных устремлений Советского государства, горячего желания народов нашей страны спасти человечество от ужасов военной катастрофы.

Вчера в Свердловском зале собрались многочисленные представители общественности Москвы, чтобы присутствовать при вручении международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» известному борцу за мир Пьетро Ненни.

Четырнадцать часов. Тепло встречными присутствующими, в зал входит Пьетро Ненни в сопровождении председателя Комитета по международным Сталинским премиям академика Д. В. Скобелева, А. А. Фадеева, И. Г. Эренбурга, Го Мо-жо, Н. С. Тихонова, а также делегации от итальянской социалистической партии, специально прибывшей в СССР по случаю вручения Ненни международной Сталинской премии.

В торжественной тишине оглашается постановление о присуждении Пьетро Ненни международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

Академик Д. В. Скобелев поздравляет Пьетро Ненни с наградой и желает ему новых успехов в его деятельности на благо мира.

От имени Советского комитета защиты мира лауреата приветствует Н. С. Тихонов, от Антифашистского комитета советских женщин — Л. В. Дубровина.

С приветственной речью выступил также вице-председатель Всемирного Совета Мира Александр Фадеев, который сказал: «Дорогой друг Пьетро Ненни! Я счастлив приветствовать вас, выдающегося деятеля итальянского народа, нашего старшего товарища в борьбе за укрепление мира между народами, здесь, на нашей советской земле. Могут завистники сказать, что вы не заслуживаете такой высокой награды, но вы, один из наиболее славных руководителей этого великого движения, постыте кровью сердца заслужили премию, носящую благородное имя Сталина. И я поздравляю вас с этой премией от всей души!»

Мы помним вас и вашу деятельность в те наиболее трудные дни истории, когда угроза миру возникла не только как острая опасность, а как страшная реальность. Мы помним вас, когда на раскаленной, политической земле Кастилии вы во главе лучших сынов итальянского народа, вместе с героическим народом Испании боролись за его независимость, против преступных действий фашистского правительства Италии. Тогда это была борьба

за сохранение мира в Европе и во всем мире. Вы противопоставили честь и достоинство своей нации преступным кровавым действиям правительства Муссолини.

Мы помним вашу мужественную позицию в грозные дни второй мировой войны. Советский народ никогда не забудет, что вы тогда стоите под документом, выразившим братскую солидарность итальянского народа с народом советским как раз в те дни, когда фашистское правительство об руку с Гитлером свергло Италию в войну против СССР.

Пусть этот документ, подписанный в столь грозный час, документ, выражавший одновременно единство передовых прогрессивных сил Италии, живет вечно в памяти наших народов, советского и итальянского, как символ их дружбы!

Ни репрессии Муссолини, ни преследования немецко-фашистских оккупантов не могли сломить вашу волю в борьбе за мир и демократию и за национальное освобождение своего народа. Мы видим, как вместе со всеми прогрессивными силами Италии вы и сегодня бесстрашно, мужественно и честно отстаиваете независимость и достоинство своей нации, мы видим, какой это большой вклад в дело защиты мира во всем мире, и приветствуем вас!

Все искренние сторонники мира понимают, какую роль в укреплении мира во всем мире играет рабочий класс, эта передовая сила современности, проникнутая духом международной солидарности и в то же время умеющая отстаивать суверенитет своей нации, когда на него посягают агрессивные силы.

В нашем лице, дорогой друг Пьетро Ненни, мы приветствуем выдающегося деятеля, который долгие годы отстаивал единство действий итальянского рабочего класса в борьбе за мир и национальную независимость и который сыграл выдающуюся роль в том, что это единство рабочего класса Италии осуществлено.

Мы видим в этой вашей замечательной деятельности пример того, как должны поступать все деятели рабочего класса и все полноправные прогрессивные деятели, любящие свою нацию, стремящиеся к дружбе между народами на основе их мирного развития и сосуществования.

И потому мы, сторонники мира во всем мире, гордимся вами.

Нам, людям, которые в течение вот уже нескольких лет работают вместе с вами, как с вице-председателем сначала Постоянного Комитета, а потом Всемирного Совета Мира, хочется отметить, какое исключительное значение имеет эта ваша деятельность и как мы счастливы работать вместе с вами.

Во всем том большом и значительном, что дало всемирное движение за мир, вокруг чего объединяются миллионы людей самых различных взглядов и убеждений, во всем этом так много от вашего неутомимого труда, от вашего политического опыта, от вашей верности принципам движения, от

вашей способности завоевывать все новые и новые сердца.

Позвольте же мне, как одному из ваших товарищей, пожелать вам новых успехов в этой благородной деятельности по укреплению мира — на благо вашей родной Италии, на благо всего человечества!»

Затем слово берет член делегации итальянской социалистической партии Мацциа Гуйдо, который говорит:

«Делегация итальянской социалистической партии выражает свою благодарность всем представителям здесь присутствующим и всем собравшимся здесь друзьям. Для

нас высокая награда Пьетро Ненни является большой честью, как признание в его лице примерного борца за мир во всем мире и одновременно признание последовательной и настойчивой деятельности, которую миллионы итальянцев с воодушевлением развивают в деле борьбы за мир, посвящая этой деятельности все свои силы и вдохновение.

Мы восхищаемся всем тем, что эта великая страна — Советский Союз — под руководством великого вождя Иосифа Сталина организовала и осуществила для того, чтобы обеспечить своему народу растущий труд и чтобы дать возможность всем народам, вне зависимости от их национальной и расовой принадлежности, по-прежнему объединяться в едином усилии по восстановлению и в сознании своего долга жить в мире.

Кто говорит о войне? Кто желает войны? О войне говорят и войны желают только те злодеи, которые преследуют цели ограбления и угнетения. Русский народ и итальянский народ слишком много пострадали, чтобы не понимать и не чувствовать, что только в условиях мира народы могут развернуть свой созидательный гений.

Г-н Председатель! Дорогие друзья! Мы засвидетельствуем огромный размах принятого вами строительства и деятель-

нось, которую вы развернули для того, чтобы создать образцовый порядок в материальной жизни и спокойствие в духовной жизни. Передайте всем представителям ваших организаций, что итальянский народ взял на себя обязательство, которое он с честью выполнит. Его задачей является мир.

Мир — это наша цель. Мир — это традиция и доктрина нашей социалистической партии. Мир есть и всегда будет целью борьбы итальянского народа!»

С приветственными речами, обращенными к Пьетро Ненни, выступили А. А. Суринов — от Союза советских писателей, В. И. Ночемасов — от Антифашистского комитета советской молодежи и секретарь ВЦСПС А. П. Осипов.

Возвращаясь в ответную речь произнес Пьетро Ненни.

«Г-н Председатель, дорогие друзья! Ваши слова, полные столь горячей симпатии к итальянскому народу и ко мне, проникают в самое мое сердце, в сердца моих друзей, присутствующих на сегодняшнем торжестве, они доносятся до той части итальянского народа, которая своими мыслями находится с вами.

Для миллионов моих соотечественников, принимающих активное участие в защите мира, награждение итальянца международной Сталинской премией, носящей имя великого вождя Иосифа Сталина, это больше чем честь, это свидетельство признания проделанной нами борьбы, обязывающее нас к борьбе, которая предстоит нам в ближайшем будущем».

Далее Пьетро Ненни подробно остановился на тех изменениях, которые произошли в международной обстановке после 1945 года. Говоря о преступной политике подготовки новой войны, которую проводит сейчас англо-американский блок, Ненни подчеркивает, что в то же время все прочнее и крепче становится лагерь демократических сил, лагерь защитников мира. Работа по осуществлению конкретных мероприятий, проводимых сторонниками мира в борьбе против угрозы новой войны, «только начала, и ничто и никто, что бы ни случилось, не помешает нам довести ее до конца», — заявляет Пьетро Ненни под аплодисменты всего зала.

«Признание этого, — говорит в заключение Ненни, — дало возможность завершить работы чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира, закончившейся несколько дней тому назад, в духе спокойной уверенности и надежды, воплощенных в решении о созыве в декабре этого года в Вене Конгресса народов в защиту мира.

Работать ради достижения столь прекрасной и полезной цели, преодолевать препятствия, рассеивать неясности, разоблачать ложь, которую этой цели противопоставляют, привлекать к делу защиты мира все новые миллионы наших соотечественников, способствуя в то же время и ради той же цели все большему укреплению доверия итальянского народа к советскому народу, — таковы средства, при помощи которых мы, мои друзья и я, можем доказать вам свою признательность.

Эти обязательства, г-н Председатель и дорогие друзья, я могу взять на себя со спокойной совестью, ибо они вытекают из моей ответственности, как итальянца и как социалиста, из моего опыта деятеля рабочего класса, а также из моего горя отца, понесшего большую утрату в минувшей войне и желающего помочь другим избежать этой трагедии.

К этим обязательствам я и мои друзья присоединяемся с тем большей готовностью, что мы принимаем их на себя в Москве, в столице страны, которая борется за мир и ждет много от мира! эти обязательства мы принимаем от имени Италии, для которой немалым надежда на возрождение без мира».

Лауреат международной Сталинской премии Пьетро Ненни выступает с речью в Свердловском зале. Фото В. ЕГОРОВА

РАЗМЫШЛЕНИЯ В МОСКВЕ

Боннский сепаратный договор между «федеральной республикой» и тремя западными державами натолкнул в Западной Германии на оппозицию широких масс, в том числе членов социал-демократической партии, а также определенных элементов в самой партии Аденауэра и в немецкой партии, то есть партии промышленников.

Во Франции недовольство соглашением о «европейской армии» является почти всеобщим.

И боннский и парижский договоры должны еще быть ратифицированы парламентами (только американский сенат пока ратифицировал «общий договор» с Западной Германией). Это вызовет серьезную борьбу. Каков бы ни был ее исход, можно быть уверенными, что она приведет к расширению фронта мира.

Во всех странах Западной Европы постепенно складывается довольно своеобразное положение. Возникают такие организации, как Северо-атлантический блок, как верховный орган «плана Шумана», которые значительно ограничивают национальную независимость и суверенитет включенных в их орбиту государств. Народы отказываются признавать такие организации. Тем самым усиливается разрыв между народами и правительствами, еще глубже становится пропасть между народами и американскими властями, которые непосред-

ственно или через своих уполномоченных руководят этими «международными организациями» и контролируют в политическом, экономическом и военном отношении жизнь государств, входящих в Атлантический блок. Это положение характерно тем, что все в нем непостоянно, все находится в движении, все подвержено быстрым изменениям.

При таких условиях решение Всемирного Совета Мира о созыве в декабре нынешнего года Конгресса народов в защиту мира приобретает большую важность. Итальянским сторонникам мира это решение дает возможность для широчайшей мобилизации масс.

Вручение мне международной Сталинской премии мира в момент, когда я возвращаюсь с сессии Всемирного Совета Мира, также является для народа Италии вдохновляющим фактором; это показывает, как ценят нашу скромную борьбу во всех частях света.

Вручение мне этой высокой награды будет способствовать укреплению дружбы между народами Италии и советским народом, который стоит в авангарде борьбы против лагерей империализма. А расширение международных связей является предельно важным фактором в заключении Плана Мира, открытого для всех государств и всех народов.

МОСКВА, 11 июля

Первые разведчики

1948 год Вспоминаю весну 1948 года. Наша легковая «визитская» машина, или, как ее здесь называли, «вездеход»...

И за Каспия дул горячий ветер, дул непрерывно, день и ночь. На десятки километров тянулась буря, однообразная степь, резко пахло польюнью...

Мы то и дело обтекали окопы и воронки, как оспа, покрывавшие степь. В сумерках подбегали к окраине маленькой деревеньки Рокотино и услышали отчаянный набатный звон.

На пустой бочке у дерева сидела девушка и изо всех сил колотила по куску рельса, подвешенному на проволоке к дереву.

— Волков отгоним, — сказала она. — Каждую ночь, проклятые, овец таскают, а вчера вот телку утащили. После войны их развелось здесь сотни, прямо беда — никакой управы на иродов!

Не только волки беспокоили обитателей степей. Была и другая опасность — неразорвавшиеся мины и снаряды, разбросанные повсюду на полях, в степи, оврагах...

Много следов оставила недавняя война на этой земле. Вот уткнулся дулом в землю немецкий танк, рядом — разбитый самолет с черной фашистской свастики. Наш шофер ловко объезжал вокруг овражной траншеи, и в следующую минуту «вездеход» выскакивает к огромному кладбищу машин. Оно тянется километрами на десять: искорененные автомобили, танкетки, самолеты, орудия...

Машина, мнявшая грудь покоренного металла, выехала на ровный грейдер, ведущий из буровым вышкам.

— Здравствуйте, товарищи-разведчики! Приветствуем первых геологов Волго-Донской трассы.

— Здоровеньки булы, — отвечает нам низким басом коренастый, седой боровой мастер.

Мы подходим к вышке. Начальник геологической экспедиции Леонид Александрович Припотень, весело подмигнув, спрашивает буровиков:

— Ну как, хлопцы, далим Волго-Дону хорошую геологию или, может, нет, не далим?

Они улыбаются шутке. Буровой мастер подходит к керновому ящику и поднимает небольшой, аккуратный цилиндр породы стального цвета.

— Посмотрите сюда! — говорит он. — Разве это не геология? Да на таких грунтах не шло, а небоскреб можно строить.

— То-то! — отвечает Припотень. — Геология здесь всюду должна быть хорошая. Главное, товарищи, быстрее дать буровые данные. Строители скоро появятся здесь. Надо торопиться!

Василий ГАЛАКТИОНОВ

Чувство будущего

1950 год Когда осенью 1950 года я был на Волго-Доне, меня больше всего поразила та ясность, я скажу — привычность, с которой его строители представляли себе будущее. Казалось бы, легко конструктору мысленно рисовать себе новую машину, легко художнику проводить будущую картину. Но как увидеть будущий ландшафт во всех его деталях?

Первый шлоз представлял собой тогда яму с еще не откаченной водой. Берег Волги был завален красно-бурой землей. С трудом выдирали мы ноги из липкой хвалынской глины. Я проехал в Чапурники и на лесозащитную станцию, не пересекая выемки канала: линия траншеи с торфом вывучу только начинала прогрызать водораздел. Села сминались с мест — разорванные дома везли на грузовиках и влозах. Шоссе на Качан еще было недостроено. Между тем с кем я ни встречался, все говорило о трассе канала с такой определенностью, будто видели ее воочию.

Пересекая уже за водоразделом огромное поле, я попал в поселок, который строился. Окна домов были обращены в одну сторону. Почему? Мне объяснили: строим с видом на будущее море!

Никогда не забуду два высоченные бетонные башни в голубой степи. Они оказались устоями будущего моста. Мост выростал на сухом и ровном месте — в расчете на реку будущего.

Да, мы можем видеть пейзаж завтрашнего дня! Советский строй научил наших людей мыслить будущим.

Я остро почувствовал это тогда на Волго-Доне. И с новой остротой это чувство приходит сейчас в дни завершения того замысла, который два года назад, в сущности, лишь начинала осуществляться.

Николай МИХАЙЛОВ

Встреча в степи

1951 год «Газик» бежал по степи. Мохнатая пыль лежала на дороге, как коричневая мягкая шкура.

Мы оставили позади курящийся пылью горный край красноватой глыбы. Он тянулся до горизонта и исчезал в белесоватой мгле. Это была трасса Волго-Донского канала — горы земли, вынутые экскаваторами и скреперами. В тех местах, где экскаваторы сейчас работали, пыль взрывалась к небу косматыми языками.

— Жара тут какая-то стоячая, шут ее знает! — сказал со вздохом шофер. — Куда ни кинься, всюду жара и жара! Жара, действительно, была густая, застывшая, как пруд, неподвижная. Казалось, что между небом и сухой землей не осталось больше ни глотка прохладного воздуха.

Мы ехали с канала на строительство оросительных сооружений в Задонских и Сальских степях.

— Государство бетона! — сказал мне начальник Донского участка.

Я взглянул на него. Его корычневый костюм стал зеленоватым от цементной пыли. Лицо и даже глаза у начальника были цементного цвета. В этот цвет было окрашено все — машины, люди, земля, даже, казалось, облака, как бы приросшие к небу.

Бетон лился с заводов по вибрирующим хоботам, по лоткам, его везли на машинах в бадах, похожих на испанские бидоны для молока. Всюду говорили о бетоне, о сотнях и тысячах кубометров бетона — этой тягучей массы, превращающей в монолиты сооружения канала. Бетон работал на века. Всюду я слышал: «Бетон этого не любит» или «бетон предпочитает то-то и то-то». О нем говорили, почти как о живом существе.

Сейчас мы вырвались из государства глины и бетона. Жара настанавалась, крепла. Мы решили переждать ее в поселке Шабалино — там, по словам шофера, есть даже садик и тени удивительная и волшебная тень от живой шевелящейся листвы акаций.

«Газик» свернул на проселок, долго еще бежал, запыляясь, страдая от жажды, но поселка все не было. Были только мариан в виде тусклых мелких озер, до которых никак нельзя было доехать, был колючий бурьян, суслики и белый пламень солнца.

Наконец, в сером мареве появились, тоже похожие на мариан, новые дома, ограды, черепичные крыши.

— Мама моя! — сказал испуганно шофер. — Это же не Шабалино! Никогда тут никакого поселка не было. Вот история! Никак в этой степи не разберешься!

И тут нам повезло. На обочине дороги стоял человек с поднятой рукой. «Газик» остановился.

— Подкиньте меня до станции, — сказал человек. Он был черен от загара и нес за спиной пыльные сапоги. И тут же между шофером и человеком с сапогами произошел такой разговор: — Степь меня, понимаешь, морочит, — сказал шофер. — Не пойму, что это впереди за селение. Десять раз здесь ездил, а его проглядеть.

— Да ты, друг, ничего и не мог проглядеть, — ответил человек с сапогами. — Потому что той станции здесь месяц назад вовсе и не было.

— Какой станции? — Да Чирской. Ее сюда перенесли с Дона. На берег будущего моря.

— Шутить! — сказал с сомнением шофер. — Как это так ее успели перенести?

— А понаместе ты тут мотался по степи, ее и перенесли. Ну и ну! — сказал шофер и прибавил газу. — Ну и дела! — повторил он. — Какой у нас народ, действительно, скорый. Оборотливый народ, эти строители. За ними и на «газике» не угонишься. А ты кто? Житель Чирской станции?

— Да нет, — ответил человек с сапогами. — Я тут человек очень временный. Мое занятие устарело для этих мест. Последние дни она тянет, моя профессия. Скоро придется сменить.

— Какая профессия? — Да колледжника. Я, Коледжи мы копаем в Чирской. А жизни тем колледжам будет всего какой-нибудь год. Подойдет сюда Цимлянское море, и колледжи наши будут тут нужны, как верблюду твой «газик».

— Ну и ну! — сказал шофер. — Чудеса делаются на нашей советской земле. Прямо сказать, чудеса! Если так пойдет, так скоро и «газик» мой выйдет в тираж.

— Это свободной! — согласился человек с сапогами. — Ход времени у нас очень быстрый. Другой раз вытаскишь часы, посмотришь на них и подумаешь: ну и тихоходы! Никак темпа прибавить не могут.

Человек с сапогами засмеялся. Он сошел на широкой улице новой станции, еще засыпанной основными стружками. Тени не было. Деревьев еще не сажали.

Мы направились в крайнюю хату. Воду нам вынесла девушка. Все лицо она завязала от солнца белой косынкой, и потому были видны только ее серые строгие глаза и густые брови.

— Моря дождаетесь? — спросил ее шофер. — Дождаетесь, — спокойно ответила девушка, и вдруг строгие ее глаза улыбаются. — Я как подумаю, что через год тут заплывет и шумит вода, так у меня сердце колотится, как безумное. А сердце у меня очень здоровое. Видите, какая земля? Золото! А сухая, как печка.

— А это правда, — вдруг спросила она, — что над морем всегда дует ветер прохладный?

— Правда, — ответил шофер. — А ты что ж? Моря не видели? Нет, не видели, — грустно ответила девушка. — Вот только дождички его со всеми. Вон оно будет, там!

Девушка показала в степь, в сторону Дона. Он едва поблескивал оловянной полоской сквозь жару и степные дали. День перевалил за половину, и мгла на горизонте переменила цвет, поглотила.

— А я вот как другой раз выйду на порог, — сказала девушка и смущенно засмеялась, — прищурию глаза, и мне так ясно видно море. Вот попробуйте!

Она прищурила глаза и, прикрывшись ладонью от солнца, посмотрела вдаль. И эта даль, очевидно, представлялась ей такой, какой она будет здесь через год, шумящей и свежей морской далью, потому что прищуренные глаза девушки сделались торжато красивее, чем были до этого, — в них застенчиво светилось счастье.

Константин ПАУСТОВСКИЙ

На старой дороге

1951 год Асфальтированная автомагистраль, строящаяся от Красноармейска вдоль трассы канала, еще не готова. Мы едем в Качан по старой проселочной дороге. Через несколько лет этой дороги уже не будет, она зарастет травой, часть ее покроят водохранилища Волго-Дона.

Новая дорога из Сталинграда идет прямо на Красноармейск, старая за рекой Ипнерской круто поворачивает вправо от Волги, в степь. На повороте виден берег Волги, уходящий в даль; он обрывается, часто обваливается, совершенно лишен растительности, если не считать редких кустов боярышника и крушинника, торчащих в расщелинах и оврагах. Напротив, на середине Волги, находится остров, покрытый тальником. Весной Волга заливая этот остров, над водой тогда виднеются лишь кроны деревьев. В это время здесь очень красиво. Никогда, после спада воды, на острове вырастает пышная трава — хороший корм для скота. Но часто эти заливаемые луга островов и левобережья гибнут от так называемой «сиротской», медленной убыли; трава покрывается илстыми наносами — «шубой», тогда и эти луга теряют свою прелесть.

Весь берег Волги, оставленный позади, вся земля вокруг были лишены зеленой красоты. Сейчас, летом, эти сулинские, солончаковые и супесчаные пространства сереют кулигами лебедей, полны, чухалых кустов курая, молочая, черноплода, сухого пырея. Разворачивающаяся степь имеет безграничный пестрый вид, она так однообразна, что трудно бывает определить расстояние. То, что далеко, кажется близким, и потом долго удивляешься тому, что это «близкое» так медленно приближается, а «далекое» внезапно промелькает мимо и опять начинает казаться «далеким», медленно уходящим в пеструю, дрожащую от испарений мглу. Ветер обдает жаром, поднимает тучи песка, удушает горьким настоем сожженных трав. Встречные машины представляют истинное бедствие, так как приходится останавливаться и переждать, пока не оседет облако пыли, вырвавшееся из-под колес. Почувствовав, что можно дышать, открываешь глаза, увидишь близкое косматое солнце — тогда снова в путь.

Над степью стоит неумолчный резкий пересвист. То и дело дорогу перебегают серые и крапчатые грызуны. Вот один, переметнувшись через кювет, становится столбиком, и, свистнув, ныряет в нору. Ничего его не возьмешь здесь, ничего он не боится, кроме воды. А где вода тут? В эту пору, когда нет дождя, суслики плодятся массами. Только лес и влага вытравят их: они не терпят леса.

Мы проехали уже десятки километров, не встретив ни одного колодца, ни одного ручейка. Путь, не взявший с собой воду, может оказаться в затруднительном положении.

жени. Мы поняли это, когда захотели пить. Жажда все сильнее и сильнее дает о себе знать. Наконец, мы увидели вдали журавец колодца и свернули к нему.

У колодца сгрудилось стадо. Пастухи — молодой парень и мальчик — сидели в стороне. Мы подошли к ним.

— Напиться только минут через пятнадцать, — сказал старший, — вода набирается, сейчас только вычерпали.

— А быстро идет? — Часа три ждем, пона напоим, а иногда еще медленнее идет...

Пошли к колодцу. Высоченный журавец был связан проволокой из нескольких досок и жердей — здесь дерево — ценность. В темной глубине колодца еле мерцала вода. Овцы, сгрудившиеся вокруг сруба и мокрых ягтен земли около колоды, лизали землю, грызли края колоды, теснили одна другую, добывая влагу. Больно было смотреть на эту борьбу. Свесив головы, мы долго заглядывали в колодец, потом опустили ведро и, проверив глубину, стали черпать воду, помогая пастухам. Стадо еще плотнее сдвинулось к колоде, коровы, окунув морды до самых глаз, пили без рывка, растопырив ноги, чтобы сопротивляться толчею. Овцы оказывались у них под ногами, задние напирали на передних, а те все пили и пили. Мы уже стали зачерпывать желтоватую воду, когда отнесенный от воды маленький курчавый ягтенок с разбега прыгнул на овечьи спины и, то проваливаясь, то появляясь, вновь переметнулся через живую плотную стену, не удержался и шлепнулся в самую колоду.

Мы долго ехали молча, подавленные виденным. При выезде из села Карповки дорогу пересекла маленькая речушка — ручеек — дно будущего Карповского водохранилища. Слева тянется яркожелтый посев горчицы, а за ним громаздятся песчаные громадные холмы, необычные, нежные в этой степи. Из-за холмов кто-то гигантский все насыпает и насыпает песок. Холмы тянутся непрерывной грядой, пыля вершинами. Сквозь пыль виднеются стрелы экскаваторов, вылетают ковши и, вытряхнув новые клубы пыли, исчезают за гребнем. Это трасса Волго-Дона. Подъезжаем ближе. Около экскаватора расположились колхозники в разноцветных одеждах, стоят несколько повозок. Люди, не отвлекаясь, глядят на величественную работу, они идут ее плодом. Мы вспомнили старую дорогу, стадо у колодца, выжженную землю. И люди и сама земля ждут плодом великого преобразования, осуществляемого по плану товарища Сталина. Волго-Дон не только соединит великие реки, но и даст жизнь огромному пространству нашей Родины.

...И прочел эти записки в дни, когда соединились волжская и донская воды, когда они заливали осушенные норы, наполняли колодцы, навалили силой посевы, смыла старую дорогу. Невольно подумалось: а ведь прошел всего один год!

Михаил ЛУКОНИН

Бетон и цветы

1951 год Это был мой третий приезд на строительство Волго-Дона, но, пожалуй, ни разу я не видел здесь такой сложной обстановки, какую встретил в декабре 1951 года. Затянувшаяся осень создала на стройке очень трудное положение: земля и глина размокли так, что половину сил своих усилий строителям приходилось тратить на то, чтобы вытащить машины из грязи. Многие заборы экскаваторов оказались отрезанными распутицей — самосвалы не могли подойти к вынутым грунтам. Даже главная магистраль — шоссе — шоссейная дорога, идущая вдоль трассы, в тех местах, где она пересекала канал (мосты только строились), стала непроезжей.

Однако во всех строительных районах я видел, как пробивались сквозь размокшую глину грузовики с необычным грузом: в кузовах стояли деревья, колья земли, пронизанные корнями, были запактованы в квадратные ящики.

Везде также нарезанным плитками дер. Вдоль сухого еще ложа канала, мощенного камнем, по берегам шли землянки с неприкрытыми для этих мест орудиями в руках — лопатами. Они выкапывали ямы для посадки деревьев и кустарников.

Один из прорабов-озеленителей, может быть, случайно оговорившись, так сказал о посадке деревьев: — Очень кропотливая работа.

Я не большой любитель словообразований, каламбуров, поворота, может быть, прораб просто оговорился, но слово поучительно куда более выразительным, чем слово «кропотливая».

На одном из готовых участков канала — у Береславских заградительных ворот — я увидел в низине темный квадрат, похожий издали на полк, стоящий сомкнутым строем. Когда мы подошли ближе, оказалось, что это кустарники, сложенные ветка к ветке и готовые к тому, чтобы рассредоточиться вдоль берегов канала для его обороны.

Несмотря на то, что распутить ставила выполнение плана бетонных, земляных и монтажных работ под угрозу, работы по озеленению не были отодвинуты на второй план. Я слышал распоряжения о цветах и деревьях и в кабинете начальника политедела, и у главного инженера, и в котеджах, где размещались конторы строительных участков. Вопрос о газонах с цветами и многолетней травой обсуждался наравне с вопросом об укладке бетона. Бетон и цветы стали неразрывными частями великой стройки.

Начальник конторы озеленения, тихий человек (орденские ленточки на его лиджаке могли бы рассказать о большом боевом пути), несколько часов подряд рисовал мне картину лесных полос, которые встанут вдоль канала. Он говорил без всякого пафоса, но слова его глубоко волновали:

— Все труды будут скрыты водой, а наверху останется только лес и зелень. Мы здесь создадим пейзаж коммунизма. Перед нами стоит задача защиты канала от окружающих степных пространств и регулирования водного режима.

Начальник озеленения как бы между прочим назвал некоторые цифры. 2.000 деревьев — декабрьский план. Весна 1952 года — 12.000 взрослых деревьев, более 1.000.000 саженцев, 22.000.000 саженцев древесных пород...

Сейчас, когда меж зеленых берегов канала пошли пароходы, с особым чувством гордости за советских людей вспоминаю я те тяжелые дни декабря, когда, несмотря на невероятные трудности, строители создавали эту картину весны коммунизма.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Инженеры-эксплуатационники Цимлянской ГЭС: дежурный инженер Цимлянской ГЭС В. А. Русанов, инженер пуско-наладочной бригады К. А. Коронников, старший инженер отдела главного энергетика Л. А. Павлов и инженер лаборатории ГЭС Ш. Ш. Хамитов.

Фото С. ВАСИНА.

Ночью в карьере

1952 год Комсомольцы Чапурниковского строительного района наметили провести очередную ночную рейд. Цель рейда — проверить работу автотранспорта. Около ста мощных автомобилей возят из песчаных карьеров песок для обратной засыпки лавоз камер шлозов, для насыпки дамб.

Не вынужен — завтра шлозы и водохранилища должны принять воду. Дорог каждый час, дорог каждый кубометр грунта. Все ли водители понимают, какая ответственность лежит сейчас на них?

Ночь прохладная. Недавно прошел дождь. Из степи долетает запах горькой полыни.

Если комсомольцы пришли в ночной рейд, на утро жди «сигнала». Так распахнут в нем о замеченных недостатках — не обращаясь. Вот сегодня на дверях конторы появились, например, «сигналы» с рисунком и стихами:

Майской ночью шлоз шестой
Освещен одной луной.
Есть начальник — света нету,
Мы Челечинка — к ответу.

И вечером на шестом шлозе прибавилось освещение — на комсомольские сигналы принято здесь отвечать немедленно.

Вот и карьер. Это огромный котлован — из него вьются уже сотни тысяч кубометров грунта. В котловане работает однокубовый экскаватор «Баррикадаец». По существующим нормам каждый самосвал должен брать в кузов по два кубика с «Баррикадацем».

Мы были в нескольких десятках метров от экскаватора, когда к нему подошла очередная автомашина. Приняв в кузов только один ковш песка, она быстро тронулась и, набирая скорость, удалялась все дальше и дальше...

Для моих спутников комсомольцев и меня самое это было большим ударом: выходит, что, пользуясь темнотой, некоторые водители гонят машины, груженные лишь наполнью.

Подбегаем к экскаватору.
— Сколько ковшей взяла машина?
— Один.
— Почему?
— А вы у шофера спросите, — зло ответил экскаваторщик.

Пока происходил понятный в данной ситуации разговор, под погрузку подошла следующая машина. Мы отошли в сторону в темноту, желая проверить добросовестность водителя подвезшего самосвала. Он погрузил два ковша и тронулся в путь.

— Молодец! Вот это — молодец! — радостно воскликнул мы словно после минувшей уже большой опасности. — А тот! Тот как-то! За пять километров порожнюю машину погнал. Пользуется тем, что глупая ночь.

Продолжительный сигнал заставил нас замолчать. Мы посмотрели в сторону, куда уходили груженные самосвалы. Увидели: задним ходом в котлован торопливо спускалась машина, сигналом прося встречных уступить ей дорогу. Вот она все ближе и ближе к нам, остановилась у экскаватора. Из кабины высунулся молодой паренек.

— Что случилось? — хором спросили мы, каким-то чувством угадывая в шофере виновника нашего испорченного настроения.

— Сыпь, — вместо ответа крикнул парень экскаваторщику, а нам охотно пояснил: — Все эти дни я из-под «Уральца» грунт возил. «Уральца» как сыпанет один ковш — и поезжай. А от «Баррикадаца» два ковша надо брать. Забыл я об этом, выехал из котлована, смотрю, что-то уж больно здорово машина на глинах. Ах, ковш возьми, да везь я только один ковш погрузил! И пришлось задний ход давать. Добро, что быстро спохватился.

Хорошо у всех стало на душе... Юлий ЧЕПУРИН

Шпорм на море

1952 год В Цимлянском море было накоплено уже 11 миллиардов кубометров воды. Я попал на кар, который шел из Качана в Новоселовенку. На отдельных участках пути тчетно вглядывался в горизонт — берегов не видно ни справа, ни слева.

Строители гидроузла как-то свыклись с масштабами своих работ. Ну, водохранилище: площадь около двух тысяч кв. километров, отметка верхнего бьефа около 30, разница между уровнем моря и Дона (нижний бьеф) сейчас 20 метров...

Но вот в начале мая на Цимлянском водохранилище разыгрался первый шторм. Высота волны достигла около двух с половиной метров. Молодое детство впервые показало свою богатую силу и так разгулялось, что начало уже бесчинствовать. Через водосливную грань плотины в пролеты, которые тогда еще не были закрыты, полетели бревна, доски, деревья с корнями, принесенные сюда издалека. Волны выбросили на бетонный откос плотины завалявшийся речной камен и расшибли его в щепу. Были и другие неприятности.

И случилось неожиданное: творцы моря, строители гигантской плотины и ГЭС обрадовались. У них словно бы вдруг открылись глаза на то, что они сами создали, словно им ясное стало все величие возможностей и сил светлого человека.

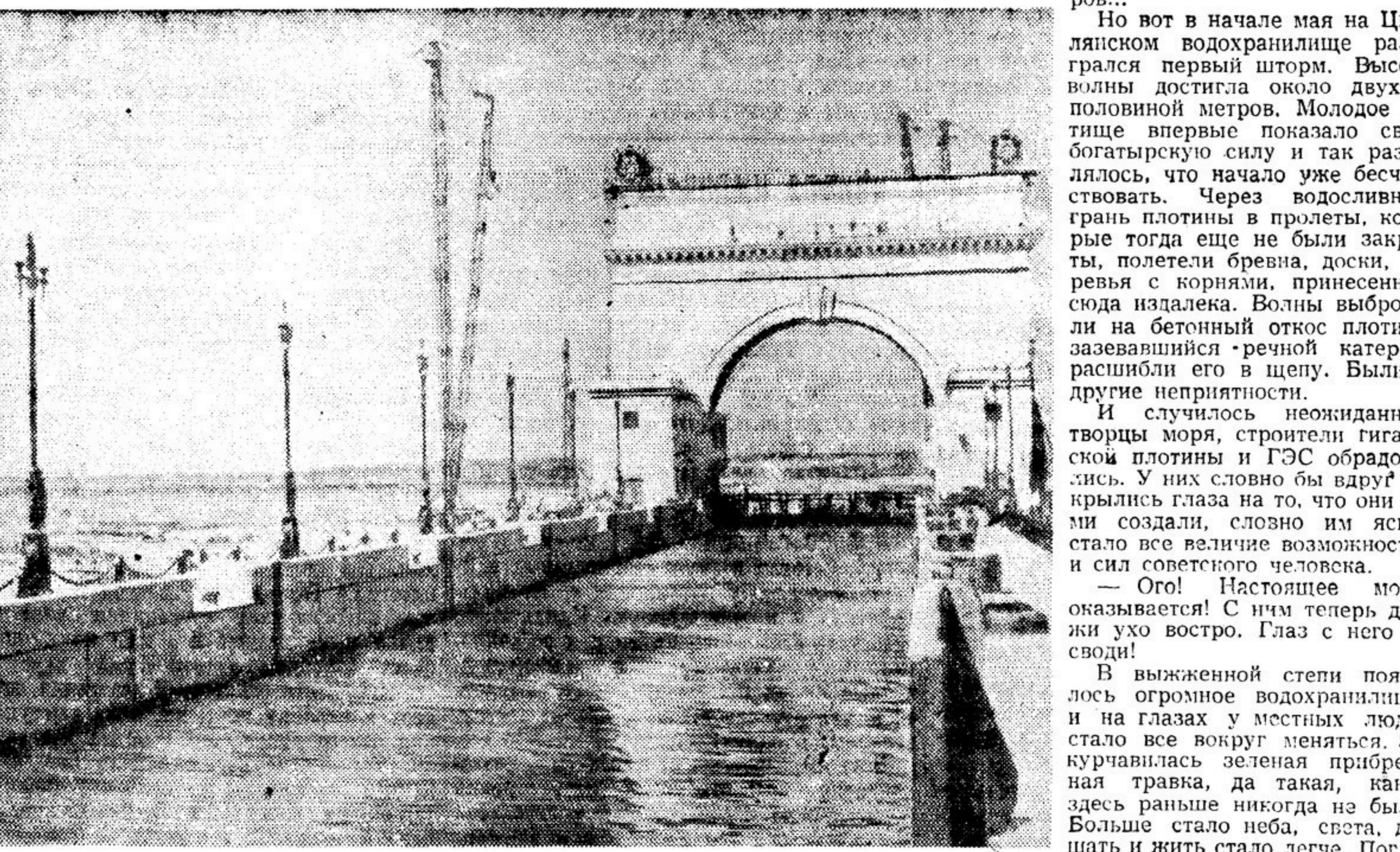
— Ого! Настоящее море, оказывается! С ним теперь держи ухо востро. Глаз с него не своди!

В выжженной степи появилось огромное водохранилище, и на глазах у местных людей стало все вокруг меняться. Закурчалась зеленая прибрежная растительность, да такая, какой здесь раньше никогда не было. Больше стало неба, света, дышать и жить стало легче. Поглядывай кругом — не нарадуешься...

Александр ЯШИН

ВОЛГО-ДОНСКОЙ СУХОХОДНЫЙ КАНАЛ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА. На снимках: слева — шлоз № 9, справа — арка 13-го шлоза, открывающая вход в канал со стороны Дона.

шлоз № 9, справа — арка 13-го шлоза, открывающая вход в канал со стороны Дона. Фото Г. ТУСОВА и И. ТУММЕРА

Добро пожаловать!

(Песня заключенного на острове Макронисос с моряков пропавшего вдали советского парохода.)

Волны от вашего корабля, словно нежные сестры, целовали, любя, наш измученный остров.

А ветер Эллады, что жалобно плачет в решетках нашей темницы, песню радости пел в ваших мачтах, как волная птица.

О, братья, мы вас увидели вдали... О, братья, нас тридцать стояло на голых вершине скалы у железных столбов, были нас палачи, и горячего солнца лучи, как бичи.

Обжигали нам раны и губы, разбитые в кровь. Ваш корабль проплыл далеко-далеко...

И, возможно, назалось вам, это стоят тридцать древнего храма колонн, тридцать сосен, вдоль берега вставши подряд.

Нет! Это мы, ваши братья, стоим на вершине, и солнцу и ветру открытой, стоим, словно лес человеческих тел, посаженный Уолл-стритом.

Янки в нашей тени попирают коктейль с золотыми крупинками льда, а наш голос мучительно рвется из жажды когтей!

«Воды Воды! Где вода?» Как пустыня Макронисос, мы — караван в ней сейчас, и нет уже многих и многих.

Ваш корабль, как оазис на нашей дороге. Мы пополним надежды и силы запас. Мы, как лодки на море в лихое ненастье, волны жадно бросаются, всех потопить нас грозят.

Мы плывем... И ваш огненный вымпел на мачте красной чайкою нам предвещает, что близко земля.

Сколько лет, сколько лет, братья, с вами мы жаждали встречи. Ваш корабль проходит по нашей воде! О, желанные гости, увы, угостить вас нам нечем.

наши руки — пусты, наша родина — в горькой беде. Как глумятся над ней! Даже сам Парфенон беломраморный, что стоит, наклонясь над Афинами, старец седой, словно залипан теперь кока-колы рекламами, вечно стойка в чингапской пивной.

Сожжена и разграблена Греция, ничего не осталось у ней, кроме, кроме сердца ее сыновей, кроме нашего сердца.

От него, как единственной нити свободной территории нашей отчизны, мы привет посылаем сегодня вам, о, вестники жизни.

Добро пожаловать, братья! Так радостно мы произносим. Добро пожаловать, братья! Наш голос нежен и тих, так говорят солдаты, когда им в окопы приносит весточки от родных.

Так говорит заключенный, пришедшему с ним на свиданье, так говорит санитару раненные в бою, товарищи-отполчане, большую войну отыгравшие рядом в одном строю.

Так говорит парус дышащий свежим ветром, так говорят ласточкам первые дни весны, так говорит природа солнцу

в мгновенье рассвета, так говорит наш остров пене от вашей волны. Годами мы видели перед собой только лицо палача, средневековая оскаль уродливо шерится грекам...

Прошел ваш корабль вдали — и вот перед нами сейчас улыбка Двадцатого века.

Могуч этот век, о братья! Он Сталина имя носит. Могуч этот век, о братья! Мы жизни своей не шадим, чтоб родина наша однажды, его заключая в объятья, сказала: «Добро пожаловать!» — Как мы вам сейчас говорим!

Ее руки

Я люблю ее руки. В моих темных кудрях Соединяясь, белеют они, Лычно голуби на ветвях.

Так малы и так крупны руки ее, И все-таки могут они держать Огромное счастье мое.

Ее руки — струны; на их белизне Пиму я, и солнечный чистый луч Пером служит мне.

Ее руки — два белых крыла на моих плечах. Поднимаю мечту мою до звезд В облаках.

Эти руки, как чаша, откуда я пью, К ней любовь принадлежит, чтоб утолить Жажду свою.

Это ветки на дереве жизни моей. Они держат, как солнечные плоды, Наших детей.

В этих хрупких руках, как в сосудах больших, Умещаются все пощелки мои И детей моих.

Ее руки так хрупки и так нежны! Но и так сильны, что могут жизнь Удержат они.

Слово о Сталине

Спрашивают дети обо всем на свете.

Что такое солнце? Что такое люди? Что такое жизнь? Задавать вопросы очень любят дети, все им расскази.

«Что такое Сталин?» — сын спросил Ламбрину.

Мать в тюрьме хранила Сталина портрет.

Что такое Сталин? Как ответить сыну так, чтоб был понятен малышу ответ.

Много там на воле матери рассказку мальчику, который спросит про вожда:

Сталин — это солнце! Сталин — это радость, что на землю сходит свежестью дождя.

Сталин — это чистая, широкая, людям свет несущая река.

Сталин — моя вечно, высокое, как Олимп вечные снега.

Но откуда сын Ламбрину знает, что такое солнце.

Ночь и день в камере юпкилка освещает камини стени.

Но откуда сын Ламбрину знает, что такое дождик.

Там он рос, где лишь сырость с потолка роняет капли слез.

Но откуда знает сын Ламбрину, что такое горные снега.

Только юной матери седина видел он пока.

Но откуда сын Ламбрину знает, что такое волыный бег реки.

Он лишь видел, как из ран стекает крови ручьи.

«Что такое Сталин?» — сын спросил Ламбрину.

Мать в тюрьме хранила Сталина портрет.

Чтоб отдать, как компас, в час разлуки сыну, зная, что он сына выведет на свет.

Так она сказала б, будь они на воле: Сталин — он на счастье всем народам дан,

для тебя он, мальчик, ласковое море, для врагов — суровый, грозный океан.

Для детей — отец он... Только сын Ламбрину никогда не видел своего отца, был отец расстрелян в день рождения сына.

Греция любимой верной до конца.

Так она сказала б, будь они на воле: Сталин — он прекрасен, как земля в цвету.

Только сын Ламбрину в жизни не был в поле, он совсем не знает мира красоты.

Никогда не видел мальчик, как пшеница заливает нивы золотой волной, и сверкает, блещет серп в руках у жниц, словно бродит в звездах месяц молодой.

Никогда не бегал босиком по пляжку. Как горяч у моря в летний день песок!

И вечерний ветер, ласковый и влажный, никогда не гладил мальчугану щек.

Он в тени платана не сидел ни разу, не смотрел, как курит трубку старый дед.

угощая внуков вереницей сказок... Мир земной так дорог!

Но не знает, нет, ничего не знает сын ее об этом, и сколь дорог Сталин — как ему сказать?!

Думала Ламбрину долго над ответом, ночь прошла, другая, все молчала мать.

На заре они пришли за нею. Тихо с пола поднялась Ламбрину и прикрыла кофточкой своею вместе с ней проснувшегося сына.

Мать, она давно была готова кровь свою отдать за дело мира, так же как во мле торжмы суровой юной грудью жизни она вскожила.

Было в ней спокойствие крестьянки, что спешит, детей оставив спать, за деревню выйти спозаранку поле поливать.

Спрашивают дети обо всем на свете.

«Что такое Сталин?» — вновь спросил Ламбрину

мальчик, потянувшись к матери рукой, но теперь мать знала, как ответить сыну так, чтобы ответ был ясный и простой.

Посмотрела смело палачам в злобой перекошенные лица и на дери, что закроются сейчас, как последняя жизни страница.

Посмотрела, выпрямилась гордо, обернулась и сказала твердо: «Сталин — человек, с которым в сердце, не боится, сын мой, смерти!»

Стихи Алексиса ПАРНИСА «Слово о Сталине», «Парад в Пирейском порту» и «Добро пожаловать!» переведены Никитой РАЗГОВОРОВЫМ, стихотворение «Ее руки» переведено М. ПАВЛОВОЙ.

Они твердо знали, что этот день придет. Они уверены были в нем и тогда, когда первый посланец отечественного машиностроения — большой ползуновский экскаватор «Ковровск» вынул первый ковш оловянной под солнцем земли между Волгой и Доном. Они видели его, этот большой и радостный день, и тогда, когда мужество вступило в единоборство с природой, когда в сроки, которых не видел мир, советские люди решили на века соединить две великие русские реки, проложить пародный путь из Белого моря в Черное, оплодотворить миллионы гектаров мертвой земли.

Это была великая цель, достойная нашей сталинской эпохи.

Я помню, как невысокий худощавый комсомолец Виктор Мохов вскоре после приезда на строительство канала заявил своему закадычному другу Виктору Шитлеву: — Если в том, что свершается, будет хоть капля нашего, честное слово, мы не напрасно проживем на свете!

Они жили этим днем все нелегкое время строительства, боролись за него, стойко переносили неудобства многих месяцев походной жизни, не боялись никаких трудностей, умело побеждали их.

И вот он наступил, солнечный июльский день! Пох вечер строители канала собрались вместе в новых просторных клубах, выстроенных их руками, на площадях в центре выросших в степи поселков, среди молодой поднявшейся зелени.

Радом пролегла траасса канала. От канала веяло свежестью и прохладой, ярко горели вечерние огни судовой сигнализации, гулеи пароходы.

Там же находились новые хозяева, которым строители бережно передали свое дитяще, — пожилые, прошедшие школу эксплуатации гидротехнических сооружений на каналах имени Москвы, Беломорско-Балтийском, и молодые выпускники институтов и техникумов.

Собрания, посвященные завершению строительства Волго-Дона, состоялись на всех участках канала — от Красноармейска до Балача. Строители подводили итоги своей работы, рапортовали любимому вождю о том, что задание партии и правительства выполнено — Волго-Донской канал построен. Вековая мечта русского народа осуществлена.

И где бы это ни происходило, у входа ли в канал со стороны Волги или у тринадцатого шлюза по соседству с Доном, когда читались слова письма: «Дорогой Иосиф Виссарионович!» — все присутствовавшие в едином порыве бурно приветствовали любимого вождя.

Дорогой Иосиф Виссарионович! — родные, близкие слова. Сталин был с этими людьми в самые трудные дни строительства, Сталин вдохновлял их на победу.

Вто из них может забыть один из последних дней декабря 1950 года, когда было передано по радио постановление правительства о сокращении на два года окончания строительства Волго-Дона?

Мне посчастливилось быть в тот день на трассе строящегося канала. Вокруг лежала ровная и суровая степь, такая же, как сотни, тысячи лет назад. Невостов метался ветер, кружились голубиный снег, во многих местах обнаженно чернела застуженная земля.

Степь между Волгой и Доном уже не была пустынной и безмолвной. Строители канала внесли в ее пейзаж убедительные поправки. Поднялись посёлки с красными черепичными крышами домов, издала виднелись высокие корпуса автоматических бетонных заводов с наклонными галлереями, напоминающими буквы «А», сотни машин наполняли морозный воздух тяжелым гулом.

Но трудовое сражение в степи только разворачивалось. К декабрю 1950 года было выполнено меньше одной пятой доли работ, предстояло еще вынуть десятки миллионов кубометров земли, уложить около миллиона кубометров бетона, соорудить 13 шлюзов, три мощные насосные станции, плотины, дамбы, бетонные водосборцы, мосты, пристани, паромные переправы, механизированный Калачевский порт. И все это надо было сделать за полтора года.

Наша Родина знала темпы Днепростроя, самые высокие в мире темпы строительства гидротехнических сооружений. Но теперь эти темпы предстояло перекрыть в несколько раз.

Вся страна пришла на помощь волгодонцам. Ежедневно на трассу канала начали прибывать длинные железнодорожные составы с механизмами и оборудованием. На заводах и фабриках разгорелось социалистическое соревнование за досрочное выполнение заказов для Волго-Дона. Челябинцы прислали эшелоны скреперов, изюмовенцы сверх плана, украинские машиностроители — новейшей конструкции многокошечные экскаваторы, коллектив Ростовского завода — только что освоенные бетонные насосы, на которых стояли первые заводские номера, миничае — мощные 25-тонные самосвалы.

Лет 25 назад потребовались бы годы, чтобы в совершенстве овладеть всеми этими сложными машинами и механизмами. Но теперь, после двух-трех месяцев занятий в учебном комбинате Волго-Дона, на стройку шли квалифицированные экскаваторщики, водители самосвалов, скреперисты, мастера по опалубке и бетонным работам.

Показательна бесхитростная история Полины Смышляковой, колхозной девушки из Воронежской области.

Полина Смышлякова работала в колхозе мотористкой, шофером. Приехал на великую стройку, окончив курсы экскаваторщиков, она уверенно садится за пульт управления многокошечного экскаватора. В 1951 году Полина выполнила четыре годовые нормы, намного перекрывая проектную мощность машины.

История многих знатных механизаторов Волго-Дона в той или иной мере повторяет историю Полины Смышляковой. Воспитательница партии Лешина — Сталина в стране, где с техникой они подружались с детства, экскаваторщики Д. Сленуха, И. Ермоленко, М. Поляков, И. Худяков, скреперисты В. Мохов, В. Шитлеву, шоферы Н. Селезнев, М. Фолов и сотни других быстро и в совершенстве овладели новой техникой, стали творить на ней чудеса.

Однажды перед большим шагающим экскаватором остановился паренек в светлой рубашке-безрукавке. Не скрывая своего восхищения, он смотрел на чудо-машину.

С экскаватора спустился начальник смены парторг экипажа Семен Александрович Плеханов.

— Что, правится машина? — спросил он шуточно.

Паренек ответил от чистого сердца: — Очень нравится... Возьмите к себе учеником.

— А ты какое образование имеешь? — Десять классов закончил.

— Маловато, дружище, придется еще учиться.

Тот иронически посмотрел на Плеханова, на его рабочую кепку.

— А вы сами сколько имеете? Наверное, и семи классов не кончили?

— Чуть больше, — улыбнулся Плеханов, — выпускник Политехнического института.

— Так значит вы инженер? — Правильно.

— А я думал, рабочий.

Почти угадал. Тут рабочие — все инженеры. Такой машиной управлять — знания нужны.

Эти знания строителей канала способствовали решению задачи огромной сложности. Конструкторы и ученые часто приезжали на канал советоваться с рядовыми механизаторами.

Читатели, возможно, помнят письмо экскаваторщика Донского строительного района Ивана Ермоленко, опубликованное осенью прошлого года. И. Ермоленко поставил вопрос о достоинствах и недостатках экскаватора Ново-Краматорского завода «ЭШ-1». Коллектив завода согласился с замечаниями механизатора, учел их при изготовлении новой машины.

Великая энергия строителей канала, чувствовавших себя на передовых позициях строительства коммунизма, — это не только бессонные ночи и самоотверженная работа. Это, в первую очередь, огромные творческие, технические дерзания.

Начальник Калачевского строительного района (теперь начального более крупного — Березлавского района) В. Михайлов как-то разговаривал с прорабом участка, у которого неважно шли дела.

В свое оправдание прораб говорил, что работает, не жалея сил, и уже не помнит, когда последний раз отдыхал.

Михайлов внимательно посмотрел на него.

— Не велика цена такой энергии. — Тогда не знаю, что бы больше? Совсем чтобы не спать — природа не позволяет.

— Да ерунда, кому это нужно... Начальник района сделал паузу, затем сказал:

— Думать нам нужно больше, дерзать, творчески решать вопросы, а не спать всякий сумеет...

И после паузы закончил: — Великая энергия рождается для великой цели. Знаете, кто это сказал? — Знаю.

— Вот такая энергия и нужна нам.

Трудно забыть деревянное холодное и уютное помещение, построенное на краю котлована будущего третьего шлюза, на том месте, где теперь красуется бетонный парапет с причальными тумбами и молоденькие деревца.

Сколько горячих творческих споров, переживаний, волнений и тревог, сколько настоящих человеческой радости слышал и видел небесаные стены этого деревянного здания!

Отсюда в ненастную мартовскую ночь прошлого года, когда весенние воды, проправ перемычку, хлынули в котлован шлюза, все уходило на защиту сооружения.

Здесь собрались коммунисты, когда в разгар работ вышел из строя порталный кран. Перед столом президиума стоял бледный механик, не предупредивший поломку. Реци были суровыми, решение кратким: если через 24 часа кран не войдет в строй, механик будет исключен из партии. И ровно через сутки в этой же комнате снова собралась коммунисты, и механик, счастливого до бесконечности, доложил, что задание партийного собрания выполнено, — Kranовички приступили к работе.

Сколько полноправных творческих выдумки пришлось применить коллективу тринадцатого шлюза, чтобы закончить строительство сооружения, беспрепятственно затопляемого грунтовыми водами!

Огромные усилия проявил коллектив Чапурниковского строительного района, в сложных и трудных условиях построивший пять шлюзов «чапурниковской лестницы».

Строители Калачевского района проложили прекрасную автостраду в степи, выстроили порт пяти морей, оградили Калач от поднимавшихся вол Дона надежной многокилометровой дамбой и часто приходила на помощь другим участкам.

Теперь все это — поэзия. Величественный Волго-Донской судохолный канал имени В. И. Ленина преобразил придоисские степи, а славный коллектив строителей его готов к выполнению нового задания партии и правительства.

А. ШЕЙНИН, соб. корр. «Литературной газеты» КРАСНОАРМЕЙСК—КАЛАЧ

Вечер памяти Янки Купалы в Москве

В четверг, 10 июля, в Центральном парке культуры и отдыха имени А. М. Горького состоялся вечер, посвященный 70-летию со дня рождения народного поэта Белоруссии Янки Купалы. На вечер собралось около полутора тысяч москвичей.

Открывший вечер Н. Тихонов говорил о значении творчества Янки Купалы для развития белорусской литературы, напомнил о дружбе поэта-са великим Горьким, который первый перевел на рус-

ский язык его стихотворение «А кто там идет?». Белорусский поэт К. Киреевко рассказал о жизни и творчестве Янки Купалы. Б. Емельянов поделился воспоминаниями о своих встречах с ним. Белорусские поэты А. Велогин и И. Абрамчик прочли свои стихи, посвященные Янке Купале. Его стихи в переводах М. Исаковского, Б. Ирвинга, П. Козаревского и других были исполнены артистами московской эстрады.

Стихи Алексиса ПАРНИСА «Слово о Сталине», «Парад в Пирейском порту» и «Добро пожаловать!» переведены Никитой РАЗГОВОРОВЫМ, стихотворение «Ее руки» переведено М. ПАВЛОВОЙ.

Все громче и решительнее протестует французский народ против репрессий, обрушившихся на патриотов и борцов за мир. «Свобода Андре Стиля, Анри Мартину и другим жертвам полицейского произвола» — требуют все честные французы, которым дорог мир во всем мире. НА ФОТО: одна из бесчисленных надписей в защиту Мартина в порту Марселя.

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Тюрьма Санте

Читатель «Литературной газеты» М. З. Новиков (Москва) просит редакцию ответить на вопрос: «Что представляет собой тюрьма Санте, в которую был заключен Жак Дюкло и в которой продолжают томиться Андре Стиль и другие французские патриоты?» Мы публикуем статью французской журналистки Элен Пармелен, содержащую ответ на вопрос читателя М. З. Новикова.

сесть в душах людей смутенно, вызывать раскол...

Руководитель или избранник народа, заключенный в Санте, находится в руках своих врагов. Он является заложником. Каков бы ни был его режим, он рискует прежде всего своим здоровьем, а затем и своей жизнью.

Политическое отделение Санте, то самое, где содержался Жак Дюкло и где содержится Андре Стиль, представляет собой тесное место. Тюрьма без воздуха. Камеры без воздуха. Двор похож на дно канавы. Когда заключенных переводили из Санте в тюрьму Клерво (департамент Об), которая далеко не является курортом, они в течение двух дней чувствовали себя опьяненными только потому, что отыкали дышать обычным воздухом. Политические камеры Санте известны своей душливой атмосферой. Ибо они предназначены для заложников, попавших в руки врага...

Жак Дюкло однажды уже находился в заточении в Санте: с сентября по ноябрь 1927 года. Но народная борьба вырвала его из тюрьмы.

В общей сложности Жак Дюкло был приговорен к 45 годам тюрьмы за патриотическую деятельность; 45 лет «и несколько месяцев», добавляет он обыкновенно...

«...Ворота тюрьмы Санте широко распахнулись, чтобы пропустить полицейский автомобиль». Так начинается пятая глава книги «Дорога чести», в которой Флоримонт Бонт описывает бесстрашную борьбу депутатов коммунистов в 1939 году против тех, кто предавал нацию врагу.

Тут, в отделении для уголовных преступников тюрьмы Санте, Бонт встретил друзей — французских депутатов, виновных лишь в том, что они защищали интересы родины. Среди них был брат Жака Дюкло — Жан Дюкло, почти ослепший после ранения на войне, награжденный несколькими орденами. Среди них были Амбруаз Круаза и Франсуа Бийи...

Затем пришли черные дни гитлеровской оккупации. И тюрьма Санте стала служить Гитлеру и Петену. Она сделалась преддверием смерти, местом казни героев Сопротивления, перевалочным пунктом перед отправкой в лагери массового уничтожения... Сколько раз в стенах Санте перед казнью на заре звучала «Марсельеза». 24 сентября 1941 года во дворе тюрьмы был гильотинирован железнодорожник Катла, бесстрашный борец. Четыре месяца его подвергали пыткам. Для на казнь, он пел «Марсельезу», и его голова скатилась прежде, чем он окочился песню...

«Перед моими глазами», — писал об этой трагической сцене Морис Торез в «Сыне народа», — неотвязно стояла ужасная картина: лезвие гильотины отсекает голову моего товарища, моего друга, эту прекрасную голову с чертами энергичными и гордыми...»

Из Санте вышли на смерть Даниэль Казанова, Габриэль Пери, Пьер Семап, Политцер и многие другие...

А в это время Жак Дюкло, которого разыскивали все полицейские индейки Гитлера и Петена, осуществлял призыв, обращенный партией коммунистов к французам: «Никогда столь великий народ, как наш, не будет народом рабов...»

Жак Дюкло выговаривал из коммунистической партии Франции воля и опору народного Сопротивления гитлеровским захватчикам.

Делая нынешних правителей Франции превосходят по своей чудовищности все прошлые преступления французской реакции. Жаку Дюкло вменяется в преступление борьба против фашизма и угрозы войны, а военный преступник, поджигатель войны Риджуэй пользуется гостеприимством правящей клики. Иные отменяют законы, изданные при Мабусянле, чтобы «обновить» призрачные обвинения коммунистов в «заговоре». Но он очень мало заботится об этих законах, когда дело идет хотя бы о том, чтобы соблюсти права политического заключенного в тюрьме Санте.

Жак Дюкло, депутат, бывший вице-председатель Национального собрания, был брошен в тюрьму в кандалах. Этот тяжело больной человек умственно подвергался обращению, которое применяется к опасным уголовным преступникам. Все честные французы поднимались, как один, на защиту Жака Дюкло.

И народ освободил Жака Дюкло из тюрьмы Санте. Однако реакция продолжает плести сети своего заговора, и это является постоянной опасностью для всеобщей свободы, для мира. Перед всеми честными французами, патриотами и республиканцами стоит великая задача: надо спасти мир, раздавив фашизм, разбив цепи полицейского террора. Необходимо преградить дорогу бесчестию, которое свалилось на нашу страну. Настало время французскому народу отметить, как говорил Стендаль, «все эти приговоры, которые позорят нас в глазах Европы».

Элен ПАРМЕЛЕН

Герои французского движения Сопротивления. Названные гитлеровскими захватчиками. — Ред.

Оухотворенное лицо, седые волосы человека, много пережившего, но бодрого и уверенного, — таким я увидел Хан Сер Я. Делегат моей дорогой родины — героической Борни на чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира, он отправился в Берлин прямо с фронта, отсюда, где день и ночь не умолкают разрывы бомб и снарядов, где корейские войны и китайские народные добровольцы мужественно сражаются с агрессором.

Хан Сер Я был послан на сессию всем корейским народом. Соотечественники, пришедшие его проводить, молча и с надеждой пожимали на станции руку своего любимого писателя. Здесь был старик, внук которого умер от холеры, засланной в Корею Пентагоном. В глазах старика читалась скорбь о погибшем внуке и горела в них жгучая ненависть к убийцам из-за океана. Проводить Хан Сер Я пришла девушка, братья которых томятся в лагерях смерти на острове Кочжедо. Они просили своего делегата рассказать всему миру о зверствах американских палачей, которые чудовищными пытками хотят принудить военнопленных изменить своей родине. Хан Сер Я прожил народную войну, суровые лица которых как бы хранили отблеск недавних сражений, рабочие, крестьяне, медицинские сестры. Они поручили своему делегату передать представителям народов, которые соберутся в Берлине, что никакие трудности, никакие злодеяния американских захватчиков не сломают воли корейского народа.

Да, ничто не сможет поставить на колени миллионы свободных корейцев! Корейский крестьянин трудится в поле, хотя в небе Кореи летают хищные американские самолеты-стрельщики. Рабочие куют победу над врагом в цехах заводов и фабрик. Школы в Северной Кореи превращены в руины, но дети продолжают учиться — они склоняются над книгой в подземных школах, в основных лесах.

Вместе с народом, во имя народа, на благо народа трудятся и деятели культуры. С каждым днем растет, развивается, достигает новых успехов корейская литература, корейское искусство. За время войны появились немало замечательных произведений. Это повесть «Герой Чин Ду Ихен», принадлежащая перу молодого писателя Ю Хан Лима. Это новая пьеса Нам Кун Мапа «Холм, где хует ветер», прославляющая бессмертный подвиг партизанки Ли Су Док. Поэты Ким Сан О, Лим Хва, Ким Те Гю, Мин Бен Гюн, Хон Сун Чер, Ли Вон У создали новые стихи. Писатель Ли Ги Ен продолжает работать над трилогией о жизни и борьбе корейского народа. Хан Сер Я закончил роман, посвященный любимому вождю корейского народа Ким Ир Суну...

Когда посланец корейского народа поднялся на трибуну чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира, его встретили бурные аплодисменты участников этого высокого собрания, прибывших сюда со всех концов земного шара. В его лице зал приветствовал мужество и волю народа, не покорившегося агрессорам.

Хан Сер Я говорил о том, что корейский народ требует прекращения войны, затеянной американскими империалистами. Он призывал все народы мира активизировать борьбу, чтобы «добиться превращения в жизнь нашего справедливого предложения по вопросу о военнопленных и успешного завершения переговоров о прекращении военных действий в Кореи, разрешения мирным путем корейского вопроса и тем самым внести ценный вклад в дело поддержания мира во всем мире».

Решения чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира воодушевляли корейский народ. Они вселяют в сердца простых людей глубокую веру в то, что дело мира восторжествует.

— Немедленно прекратить войну в Кореи! — звучит над всеми странами и континентами.

— Руки прочь от Кореи! — гневно требует все передовое человечество.

СЕ МАН ИР, корейский писатель

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Французская реакционная газета «Фигаро» в номере от 18 июня этого года поместила сообщение под следующим заголовком:

«Бонские студенты осмивают д-ра Бланка, приехавшего разъяснить им вопрос о ремилитаризации Германии».

В этом сообщении говорится:

«Бонн, 17 июня (Агентство Рейтер). Студенты попросту осмивали Теодора Бланка, уполномоченного по вопросам обороны в Западной Германии, явившегося вчера вечером в Боннский университет, чтоб объяснить им смысл ремилитаризации Германии».

Бланка все время прерывали. Крики и резкие реплики с мест сопровождали его речь. Один из студентов взошел на стол, чтобы привлечь к себе внимание зала. В течение пяти минут ни сам докладчик, ни прервавший его студент не могли начать говорить, точно так же как и председатель, усиленно зволивший в свой колокольчик.

Присутствующие живо аплодировали молодой студентке, заявившей, что Бланк в своем докладе обделал учеников: он ничего не сказал о том, почему «большинство немцев не хочет ремилитаризации».

Алжир. Ватчина французских колонизаторов в Северной Африке...

С тех пор как в 1830 году французскими войсками была захвачена Алжир, алжирский народ ни на минуту не прекращал борьбы за свою независимость. Завоевание страны сопровождалось невероятными жестокостями. Французские колонизаторы убивали женщин, детей, стариков, опустошали целые области. Они согнали местное население с лучших земель и передавали их разорившимся французским помещикам, всевозможным спекулянтам и авантюристам. С этих пор история Алжира — сплошная цепь унижений, нищеты и мук, летопись непрекращающейся борьбы народа против чужеземного ига.

Сотни, тысячи алжирцев ежегодно становятся жертвами кровавых расправ, с помощью которых французские власти стремятся подорвать волю народа Алжира к свободе. Современный террор колонизаторов служит и другой цели: подготовке благоприятной почвы для осуществления планов американских империалистов, которые пытаются превратить всю Северную Африку в свой военный плацдарм.

Но расчеты французских колонизаторов и их американских хозяев обречены на провал. Они будут сорваны народом Алжира, где растет и крепнет национально-освободительное движение, сливающееся с борьбой алжирцев за мир, против опасности новой войны.

Недавно прогрессивные французские художники Борис Таслицкий и Мирей Миэль вместе с журналисткой Мадлен Риффо, представителями газеты «Ви увриер» (орган Всеобщей конфедерации труда), посетили Алжир.

Они побывали у докеров Орана и Алжира, у шахтеров Кенаци, у сельскохозяйственных рабочих Константины. Зарисовки, предлагаемые вниманию читателей, — результат этой поездки. Борис Таслицкий и Мирей Миэль отразили в них исключительно тяжелые условия жизни и мужественную борьбу алжирского народа за национальную независимость и мир.

1. На этом рисунке художника Бориса Таслицкого запечатлена группа алжирских докеров. Многие месяцы, изо дня в день эти простые люди с открытыми мужественными лицами ведут непрекращающуюся героическую борьбу за мир. Они решительно отказываются грузить и разгружать корабли с военными материалами, предназначенными для ведения «грязной войны» в Индо-Китае для расправы с трудящимися Туниса.

Как отчеканен Мадлен Риффо, алжирский докер скорее предпочтет терпеть голод и репрессии, чем изменить раз данному слову не грузить на суда военные материалы.

12 июня докеры Орана не стали разгружать прибывшие в порт суда с боеприпасами. 19 июня на берег не было выгружено оружие, доставленное на транспорте «Джебел-Ор». 18 и 19 июня оранские докеры отказались приступить к работе на транспорте «Орэй», который должен был отправиться в Индо-Китай. Французские власти перевели «Орэй» в порт Бонн, но и там докеры категорически отказались производить какие-либо работы на борту этого судна. 3 июля докеры Орана сорвали погрузку транспорта «Сент-Марн-л'англиз», отплывавшего в Индо-Китай.

2. Изображенный на рисунке Мирей Миэль «Жандарм» (справа) — сельскохозяйственный рабочий, которого изувечил осколок снаряда, разорвавшегося в окрестностях военного лагеря в Шершеле.

Американско-французские империалисты хотят превратить Алжир в огромный полигон для испытания различных видов оружия. И не только в полигон: реакционный французский журнал «Констеласон» пишет, что «атлантическая армия» рассчитывает найти в Алжире «верные базы».

Эти «верные базы», базы будущей агрессии, уже создаются. Широкое военное строительство ведется, в частности, в Сахаре, где американцы сооружают аэродромы, установки для метания летающих снарядов «Фау-2».

3. «У входа в родной «дом» — так с горькой иронией озаглавил свой рисунок Борис Таслицкий.

Вот в таких жалких землянках живут трудящиеся Алжира. В темной, холодной дыре размером 1,5 на 2 метра уютится целая семья. В рабочих поселках, сплошь состоящих из подобных «домов», нет воды; женщины и дети издалека приносят на себе тяжелые бурдюки с соленой водой. Ежегодно много детей умирает от болезней, а еще больше — от голода.

Увидев жилища алжирских рабочих, художник Таслицкий сказал, что над этими поселками витает «призрак фашистских лагерей смерти» — страшные лагуны напомнили ему концентрационные лагери гитлеровцев.

Нищета, голод, безработица — удел трудящихся Алжира. Горняки Кенаци не в состоянии прокормить свои семьи, столь мизерна оплата их труда. После 10—15 часов изнурительной работы на шахте они вынуждены еще полдну возиться на своих крохотных земельных участках — «величиной с постельную простыню», — как пишет Мадлен Риффо.

Лучшие плодородные земли страны присвоены колонизаторами. И сейчас в Алжире насчитывается 700 тысяч безземельных крестьянских семей, обреченных на голод и вымирание. В поисках работы многие алжирцы уезжают во Францию. Но там их ожидает тяжелое разочарование. Из 300 тысяч алжирцев, находящихся во Франции, 120 тысяч — безработные, несмотря на то, что они со-

глашаются на любые условия труда и любой заработок.

Особенно ужасно положение алжирских детей. Голодные, раздетые, они вынуждены с самых ранних лет добывать себе пропитание. В Алжире пред-

приниматели охотно нанимают детей — ведь им можно платить в несколько раз меньше, чем взрослым. Поэтому нередки случаи, когда на восьми-девятилетних детей вваливают бремя непосильного труда.

4. В Алжире развивается и крепнет профсоюзное движение. Эта зарисовка сделана Борисом Таслицким на профсоюзном собрании.

Трудящиеся борются за свои права. Рабочие бастуют, требуя увеличения заработной платы. Не так давно бастовали шахтеры Константины, Бени-Сафа, Кенаци. В Орানে прекращали работу железнодорожники, рабочие городского транспорта.

Организовано провели забастовку трудящиеся города Сиди-Бель-Абесс. Обычно стачки сопровождались митингами протеста против колониального гнета.

Напряженным ростом солидарности трудящихся, колонизаторы бросают в тюрьмы борцов за мир и свободу, участников профсоюзного движения. Угрозы и репрессиями они стремятся парализовать активность алжирских рабочих.

Народ решительно требует прекращения репрессий. Только за последние время в ряде городов — Алжире, Орлеанвилле, Бланда — состоялись крупные митинги протеста против кровавого террора французских властей.

Активный союз сельскохозяйственных рабочих Бумедьены, один из руководителей забастовки в районе Дарта, был приговорен судом к тюремному заключению. Вместе с другим осужденным судом колонизаторов патриотом — членом

ЦК коммунистической партии Алжира Беррау — Бумедьена отправили под стражу из Орана в Беррауаги, где находится каторжная тюрьма. Но едва возшел их поезд вышел за черту города, как ему преградили дорогу десятки жен-

щин. Повторя полвиг Раймонды Дьес, женщины и дети легли на рельсы, и машинист вынужден был остановить поезд... Волею вагона, в котором находились узники, женщины устроили манифестацию. Они требовали освобождения доблестных борцов за свободу, за хлеб для алжирских детей.

Тяжело пытаются угнетатели алжирского народа приостановить процесс объединения национальных сил, процесс дальнейшего сплочения трудящихся Алжира в борьбе за мир и независимость страны.

Французская журналистка Мадлен Риффо приводит слова, сказанные ей одним алжирским шахтером: «Единство подобно каменной розе, родившейся в пустыне и возникшей из мельчайших песчинок, каждая из которых не похона на другую». К этим словам Мадлен Риффо добавляет: «Теперь ничто уже не в силах разрушить этот цветок единства. Ветер может лишь заставить его расцвести еще пышнее, украсить его новыми лепестками».

С. ТАРХАНОВА

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).